

Время и обстоятельства пророческаго служенія Іереміа.

Пророкъ Іеремія долженъ былъ проходить свое служеніе въ послѣднее время предъ плѣномъ Вавилонскимъ и среди самыхъ обстоятельствъ, какими приготовляло, началось и наконецъ вполнѣ отяготѣло надъ Іудейскимъ царствомъ это великое бѣдствіе. Это продолжалось болѣе 40 лѣтъ, начиная отъ времени Царя Іосіа, когда Іеремія былъ призванъ къ своему служенію, — до совершеннаго опустошенія Іудеи и раззоренія Іерусалима съ храмомъ, когда Пророкъ былъ увлеченъ въ Египетъ бѣжавшими сюда Іудеями, и здѣсь передалъ этимъ Іудеямъ послѣднія откровенія.

Въ это время было одинаково плачевно и внутреннее и внѣшнее состояніе народа Божія; не отраднѣе того было и состояніе всего міра.

Народный духъ въ Іудейскомъ царствѣ — уже и въ вѣкъ Исаіа столько растлѣнный страстями и пороками, и особенно самоволіемъ и самонадѣянностію (какъ мы при обзорѣни кн. Исаіа видѣли), — до того наконецъ низвратилъ въ себѣ теократическое направленіе, что Іудеи, при общей еще у нихъ религіозной настроенности, хотѣли бы однако

даже самое Божество подчинить своей волѣ и страстямъ, а при благопріятныхъ для ихъ своеволія обстоятельствахъ, не хотѣли и знать Іеговы. Что именно такой духъ господствовалъ въ Іуд. народѣ—отъ Царя до простыхъ подданныхъ, доказательствомъ этого могутъ служить слѣдующіе случаи, описанные въ самой книгѣ Пр. Іереміи. Седекія, послѣдній Царь Іудейскій, —неоднократно посылалъ къ Іереміи съ вопросомъ и самъ лично спрашивалъ: «нѣтъ ли слова отъ Іеговы; и онъ просилъ у Пророка и молитвъ о себѣ и царствѣ. Слѣд. этотъ Царь зналъ и вѣрилъ, что Іеремія Пророкъ. И однакожь отдаетъ его подъ стражу, на такомъ основаніи: «за чѣмъ ты пророчествуешь—такъ говоритъ Іегова: вотъ я предаю городъ сей въ руки Царя Вавилонскаго и онъ возьметъ его; и Седекія Царь Іуд. не спасется и проч. (XXXII, 3 и сл.). Какъ будто Іегова устами Іереміи долженъ былъ говорить не свои опредѣленія, а чего хотѣлось бы Седекіи... Или еще: по разрушеніи Іерусалима и храма, столь непрерываемо утвердившихъ пророческое достоинство Іереміи, предсказывавшаго все это, —оставшіеся въ Іудеи приходятъ къ нему дѣйствительно какъ къ Пророку: «помолись Іеговѣ Богу твоему о насъ, обо всемъ остаткѣ семь..., пусть Іегова Богъ Твой укажетъ намъ путь.» И эти же самые люди, услышавъ отъ Пророка слово Божіе, несогласное съ ихъ мыслями и желаніями (имъ послѣ разныхъ безпорядковъ хотѣлось уйти въ Египетъ), буйно возражаютъ Пророку: «неправду ты говоришь, не посылалъ тебя Іегова Богъ нашъ сказать

намъ» и проч. (XLII и XLIII), и послѣ на его обличенія отвѣчаютъ рѣшительнымъ и общимъ отъ мужчинъ и женщинъ голосовъ: «что ты говоришь отъ имени Иеговы, мы тебя въ томъ не слушаемъ, а будемъ дѣлать то, что произнесено устами нашими» (XLIV). Подобный поразительный случай въ другомъ родѣ: при первомъ нашествіи Халдеевъ, Іудей—Царь и народъ—обѣщались, для умиловленія Иеговы, отпустить на волю всѣхъ рабовъ собственно изъ Іудеевъ (по закону юбилея), но, поминованіи опасности (Халдеи отступили), тотчасъ же *обратишася вспять, и удержаша паки рабы и рабыни своя* (34 гл.); лукавыя сердца, въ безопасности не хотящія и знать Господа и братство по Нему съ бѣднымъ классомъ, обнаружили себя.

Съ такимъ внутреннимъ отпаденіемъ отъ Бога наибольшей части Іудеевъ уже естественно должно быть то, что, какъ говоритъ Пророкъ о Іерусалимѣ, «какъ ключъ источаетъ воду, такъ онъ источаетъ изъ себя зло» (гл. VI). Обманы, корыстность, козни и ненависть, прикрытыя личиною наружнаго доброжелательства, притѣсненія, необузданное сладострастіе и т. д. Пророкъ видѣлъ во всѣхъ классахъ народа. И такъ какъ порочныя сердца имѣли еще несравненную съ нашими временами энергію, то общая народная растлѣнность выражалась рѣзко, съ неудержимою ничѣмъ силою страстей: смѣль объясняется сравненіе, у Іереміи, нечестиваго народа съ похотливою верблюдицею (2, гл.).—Въ особенности же идолопоклонство дошло до крайней степени своего развитія: съ уклонені-

емъ отъ истинной вѣры и страха Божія къ страстямъ и своеволію, однакоже съ настроенностію духа и образа мыслей вообще религіозною (происходившею конечно отъ того, что человѣку невидимое Божіе еще столь было видимо въ твореніяхъ), — естественно было измышлять божества, какихъ и сколько кому хотѣлось, какія только были угодны страстямъ. И такимъ образомъ произошло, что, по словамъ Пророка, «сколько было у Іудеевъ городовъ, столько и боговъ (2 гл. 28), сколько считалось улицъ въ Іерусалимѣ, столько и жертвенниковъ срамнымъ» (X, 13) самодѣльнымъ божествамъ. Небо съ своими свѣтлами, деревья зеленыя, холмы и истуканы были предметомъ искаженно-религіознаго страха. Правда, это было уже далеко не древнихъ временъ увлеченіе къ обоготворенію тварей: язычество является теперь не только обычаемъ, укоренившимся преданіемъ отцевъ, какъ во время Исаи, но вмѣстѣ и открытымъ упорствомъ и расчетомъ суевѣрія. Такъ, самому же Іереміи не обинуясь говорили Іудеи, оставшіеся отъ плѣненія Вавилонскаго и перебѣжавшіе въ Египетъ: «будемъ дѣлать то, что произнесено устами нашими касательно каждаго лунѣ... какъ дѣлали мы и отцы наши, цари наши и князья наши въ городахъ Іудеи и на улицахъ Іерусалима, когда мы ѣли хлѣбъ до сыта и жили счастливо, и бѣды не видѣли. А съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали кадить... тершимъ во всемъ недостатокъ и гибнемъ отъ меча и голода» (45 гл.). Вмѣстѣ съ симъ, тѣмъ грязнѣе и жесточе становилось языче-

ство: такъ Іудеи открыто приносили, въ долину Енопѣ, людей—въ жертву молоху.

Когда общественный духъ былъ таковъ, что хотѣли бы подчинить и истинную религію страстямъ и самоволію или даже со всѣмъ искажали религію, въ удовлетвореніе этимъ послѣднимъ: то понятно, какъ такіе люди должны быть далеки отъ сознанія своего растлѣнія. Большинство Іудеевъ и въ особенности представители ихъ были совершенно довольны и спокойны въ этомъ отношеніи. «Не исчезъ законъ у священника, разсудокъ у мудреца, и слово у Пророка» — такъ говорили Іудеи противъ обличеній Іереміи. Отсюда происходили беззаботность и мечтательныя надежды доброй будущности и прочнаго спокойствія. Такое самообольщеніе, при господствующей еще и сильной, хотя столько извращаемой, религіозной настроенности народа, было источникомъ ложно — пророчесственныхъ сновъ и видѣній мечтателей. И потому въ отпоръ появлявшихся еще посланниковъ Божіихъ, умножились лжепророки, которые отъ имени самого Іеговы или усыпляли народъ въ безопасности или возбуждали его ложными надеждами.

При такой растлѣнности и вмѣстѣ при такомъ нравственномъ самообольщеніи и самоувѣренности, при сильной и еще болѣе возбуждаемой лжепророками энергіи, естественны были въ народѣ: ложная ревность по самому благочестію и ложный патріотизмъ; такъ, когда слышали отъ Іереміи предреченіе о разрушеніи храма, — мнимое, но увѣренное въ себѣ благочестіе Іудеевъ оскорбилось этимъ до

крайности, сбѣжался весь народъ, и Пророку грозила смерть отъ разъяренной толпы. Такъ и въ другой разъ, при осадѣ Навуходоносора, когда Пророкъ возвѣстилъ волю Божию о паденіи Іерусалима, начальники вытребовали Пророка у Седекіи какъ человѣка, отнимающаго бодрость у защитниковъ города и слѣдовательно враждебнаго отечеству и бросили его въ глубокой грязный ровъ—на явную голодную смерть (XXXVIII, 6).

Вообще все, несогласное съ мечтами и жаркими желаніями самообольщенныхъ, и особенно обличенія и угрозы, естественно, были нестерпимо-тяжелы для нихъ. Такъ самъ Іеремія, идя противъ растлѣннаго духа времени, не только лишень былъ общественнаго сочувствія и вниманія, но еще постоянно сопровождаемъ былъ общею ненавистію: и священники и лжепророки, и жители Іерусалима и его сограждане — Анаѳоѳскіе, самые даже его кровные — гнали его какъ личнаго своего врага. Такъ современный ему Пр. Урія даже и бѣгствомъ въ Египетъ не могъ спастись отъ преслѣдованія Іоакима за обличенія и грозныя предсказанія, и былъ по повелѣнію этого царя убитъ. Тотъ же царь, когда читали ему грозныя обличенія и предсказанія Іереміи, прочитанные листы списка отрѣзалъ и бросалъ въ огонь (XXXVI гл.).

Такіе ли люди, самоувѣренные и самообольщенные съ необузданностію страстей и своеволія, — способны были и примѣтить, къ чему ведетъ ихъ промыслъ обстоятельствами и непосредственными своими внушеніями, и послушно послѣдовать этому

Божественному руководству? Такъ, когда уже все низлагалось Вавилонскимъ завоевателемъ, когда истинные Пророки выражали непреклонную о томъ волю Божию, когда уже народъ толпами былъ отводимъ въ плѣнъ, и въ это время Иудеи не смирялись подъ крѣпкую руку Божию, столько тяготѣвшую надъ ними: не оставляли своихъ мечтательныхъ надеждъ восторжествовать надъ Вавилономъ и шли противъ опредѣленій Божіихъ.

Нужно при этомъ имѣть въ виду и то, что уже столько времени, и особенно въ послѣднее предъ симъ время, Господь постоянно вразумлялъ Иудейскій народъ и сильными уроками бѣдствій и Боговдохновенными проповѣдями Пророковъ и столь поразительнымъ для Иудеевъ примѣромъ гибели родныхъ имъ Израильтянъ. Отъ сего происходило то, что привыкшіе къ упорству современники Іереміи, уже не поражались ни грозными событіями, ни грозными предсказаніями. Нельзя довольно надивиться тому, какъ не могли пробудить современниковъ Іереміи отъ ихъ нравственной безпечности и мечтаній грома тогдашнихъ событій и столь сильныя Пророческія увѣщанія.

Но съ другой стороны уже самая энергичность, самая еще бодрость душъ показываетъ, что дѣло еще не дошло до совершеннаго упадка нравственныхъ силъ, до болѣзненности неисправимой и безнадежной: потребно только было взять этотъ народъ въ такую крѣпкую руку, чтобы онъ хотя невольно смирился предъ Богомъ и склонился предъ Его опредѣленіями, — тогда въ усмиренныя души

голосъ истины могъ бы проникнуть и подвигнуть не вовсе еще утратившихъ нравственную бодрость—къ истинѣ и добру. Ветхозавѣтное церковное устройство, видимо, уже ветшало во многомъ почти до бесполезности и недѣйственности; но уже самая всеобщая страсть къ идолопоклонству свидѣтельствовала, что потребно было еще продолжить порабощеніе людей стихіямъ міра, что Божественное и духовное они еще могли какъ нибудь примѣчать въ видимомъ и естественномъ, и потому не благовременно еще было явиться прямо самой благодати и истинѣ, (онѣ могли еще быть вовсе не узнаны въ своей духовной чистотѣ.) Есть факты, которые прямо подтверждаютъ и эту сторону духовнаго состоянія современниковъ Іереміи. Мы упоминали выше о случаѣ, когда за предсказанія Іереміи разрушенія Іерусалиму и храму весь народъ возсталъ на Пророка: но возмущенный народъ еще могъ тогда же уступить здравымъ и благонамѣреннымъ внушеніямъ нѣкоторыхъ начальниковъ—противъ настоятельныхъ требованій лжепророковъ и священниковъ казнить Іеремію (XXVI).

Также упоминаемый выше торжественный обѣтъ (Юбилейный) освободить невольниковъ и рабовъ, который дали всѣ начиная съ царя во время перваго нашествія Халдеевъ, —самъ по себѣ былъ пріятель Іеговѣ, какъ то засвидѣтельствовалъ Іеремія, и слѣдовательно былъ искренень, хотя и не твердъ. Слѣдовательно, не были совершенно глухи Іудеи къ урокамъ здраваго сужденія и грозныхъ событій: —нужно было только усилить и продол-

жить послѣднія, чтобы дать прочность и силу вліянію первыхъ. Также самъ Пророкъ съ силою увѣщевалъ соблюдать и исполнять законъ субботы, въ самой даже Ветхозавѣтной его буквальнойности: «Не берите ношъ въ день субботній... и никакого дѣла не дѣлайте», и за исполненіе одного этого закона изрекалъ отъ имени Божія обѣтованія о цѣлости и благоденствіи народа и города (XVII, 19—27). Видно, что Ветхозавѣтное церковное устройство, только бы оживить его какимъ либо потрясеніемъ, могло быть дѣйственнымъ, и потому не было еще потребности замѣнять его новымъ.

Внѣшнія обстоятельства Іудейскаго народа были именно таковы, что поступки и распоряженія самаго народа выражали раскрытое выше внутреннее его состояніе и направленіе (какъ оно и слѣдимо было отчасти во внѣшней народной дѣятельности), а постигающія этотъ народъ независимо отъ его воли судьбы являли десницу Божию, болѣе и болѣе опускающуюся (своею тяжестью) на Іудеевъ и наконецъ бросившую ихъ въ Вавилонъ, а землю предавшую заустѣнію, Іерусалимъ и съ храмомъ разрушившую, — съ обѣщаніемъ впрочемъ все это возсоздать чрезъ 70 лѣтъ, со всею Ветхозавѣтною внѣшностію. Іеремія вышелъ на пророческое служеніе еще при благочестивомъ Іосіи; но поверхностное обращеніе къ Богу Іудеевъ, въ это время, не сокрывало отъ взора Пророка глубины внутренняго ихъ растлѣнія и грядущаго за то гнѣва Божія. Іеремія, не прозиравшему ничего свѣтлаго ни въ народѣ, ни въ правительствѣ Іудейскомъ,

на половинѣ своего служенія пришлось только рыдать при внезапной кончинѣ благочестиваго царя, Іосіа, павшаго на полѣ Магеддо (2 Паралип. XXXV, 22—24) въ сраженіи съ Египтянами. Слѣдовавшіе за Іосіею Іудейскіе цари Іоахазъ, Іоакимъ, Іехонія, Седекія, и въ особенности второй и послѣдній изъ нихъ, были представителями современнаго нечестія и духовнаго народнаго ослѣпленія, — Седекія болѣе по безхарактерности и недостатку твердыхъ правилъ, Іоакимъ же по рѣшительному противленію и безнравственности. Народъ былъ своеволенъ и самоуправенъ даже по отношенію къ самимъ царямъ: такъ, по смерти же Іосіа, мимо старшаго его сына, народомъ возводится на престолъ младшій (Іоахазъ). Седекія самъ выражалъ всю свою жалкую зависимость отъ вельможъ — своихъ подданныхъ, когда на требованіе послѣдними Іереміи на смерть, отвѣчалъ: «онъ въ вашихъ рукахъ, потому что царь ничего вопреки вамъ дѣлать не можетъ» (Іерем. XXXVIII, 5). Политическія — внѣшнія отношенія Іудейскаго царства — это было положеніе между двумя огнями. Съ одной стороны Египетъ хотѣлъ распорядиться и при возможности распорядился Іудеею, какъ своею областію: такъ Египетскій царь Нехао шель на Ассирію черезъ Іудейское царство, съ совершеннымъ пренебреженіемъ правъ независимости послѣдняго, и когда воспротивившійся ему Іосіа палъ на сраженіи, Фараонъ, по окончаніи своего Ассирійскаго похода, новопоставленнаго Іудейскаго царя отвелъ въ плѣнъ, и на мѣсто его поставилъ другаго, съ перемѣною самаго имени его—

въ знакъ рабской его зависимости отъ Египта (имя Еліакима онъ перемѣнилъ на Іоакима). Съ другой стороны усилившееся и стремящееся къ завоеваніямъ царство Халдейское грозило Іудеи, какъ и прочимъ извѣстнымъ народамъ, порабощеніемъ. Египетское и Халдейское царства между собою соперничали: ибо сила и притязанія одного изъ нихъ стѣснялись силою другаго.¹ И примѣтна была и, съ самаго начала гениальной дѣятельности Навуходоносора, стала рѣзко обнаруживаться неустойчивость Египта предъ Халдеею; Господь Богъ опредѣлительно изрекалъ чрезъ Пророковъ, что Онъ предастъ всѣ извѣстные тогда народы во власть «рабу своему царю Вавилонскому» (слова пророческія!). Іудеямъ же, если бы и могла сбыться странная мечта ихъ объ успѣхѣ Египетскаго царя надъ Вавилонскимъ, нельзя было обѣщать себѣ чего нибудь другаго, кромѣ перемѣны одного деспота на другаго, котораго жестокость была извѣдана ими... Но Іудеи въ такихъ обстоятельствахъ имѣли только случай раскрыть во внѣшней дѣятельности то жалкое духовное состояніе свое, что они не были способны *разсуждать знаменій* и потребностей *временъ* (Мат. 16, 3) и хотѣли бы не себя самихъ предать управленію воли Божіей, но эту послѣднюю подчинить своимъ прихотямъ. Они упорно держались стороны Египетскаго царя; вступали, противъ воли Божіей, въ союзные договоры и съ другими народами противъ Вавилонскаго царя. Это самое противленіе ихъ воли Божіей и было источникомъ болѣе и болѣе умножаемыхъ и усиливаемыхъ наказаній ихъ, и

вмѣстѣ вело къ исполненію той же воли Божіей о подчиненіи ихъ Вавилону. Навуходоносоръ открылъ и первый походъ противъ Іудеи (при Іоакимѣ) по поводу союза ихъ съ Египтомъ противъ Халдеевъ, но сначала былъ довольно умѣренъ въ отношеніи къ Іудеямъ; въ послѣдствіи замыслы и измѣны послѣднихъ давали поводы къ новымъ его походамъ и къ жесточайшимъ противъ нихъ мѣрамъ, пока наконецъ послѣ трехъ частныхъ плѣненій Іудеевъ Іерусалимъ былъ разрушенъ, храмъ сожженъ и уже почти весь народъ отведенъ въ плѣнъ Вавилонскій. Тяжкія были эти времена для Іудеевъ, которые и доселѣ воспоминаютъ постомъ — и первое взятіе Іерусалима Навуходоносоромъ при Іоакимѣ и раззореніе этаго св. города — при Седекіи. Языческіе народы, съ которыми они преступно входили въ сношенія противъ Вавилона, только радовались постигавшимъ ихъ великимъ бѣдствіямъ. — Но Господь постепенно, а не вдругъ, далъ бѣдствіямъ пасть на свой избранный, но нечестивый народъ, и оставилъ ему еще надежду возстановленія и благодати. Вообще сказать о состояніи и судьбахъ народа Іудейскаго: Съ усилившимся въ эти времена противленіемъ Іудеевъ, любовь Отца Небеснаго также какъ бы усиливалась образумить неразумныхъ, но, встрѣчая постоянно только одно упорство и вражду, наконецъ отвратилось отъ нихъ, такъ что они на нѣкоторое время (не въ самомъ Вавилонскомъ плѣнѣ, а при бѣдственномъ Его открытіи) оказались точно какъ бы отверженнымъ народомъ; впрочемъ и въ семъ случаѣ ей нужно было только смирить не-

покорныхъ, и вотъ отводимымъ въ плѣнъ, она уже сопутствовала (имъ) утѣшительными обѣтованіями возстановленія ихъ, еще въ устройствѣ Ветхозавѣтномъ, и за тѣмъ уже въ грядущей Новозавѣтной благодати. — Въ окружающемъ избранный народъ языческомъ мірѣ господствовали тѣмъ необузданнѣе тотъ же растлѣвающий духъ, который столь неудержимо уже преобладалъ и надъ самымъ избраннымъ народомъ. И потому на языческихъ народахъ того времени тяготѣла та же крѣпкая мышца Божія въ лицѣ Вавилонскаго завоевателя, которому, впрочемъ, и самому заранѣе уже изречень былъ грозный приговоръ. Вавилонскія завоеванія простирались на весь востокъ, объемлющій въ себѣ самодревній политическій міръ; онѣ начали рядъ тѣхъ завоеваній, которыми не только были потрясены, но и ниспровергнуты основы и самый характеръ самодревняго политическаго міра, такъ что остались отъ него только развалины, и то съ трудомъ открываемыя и еще съ большимъ трудомъ выясняемыя въ своемъ значеніи. «Я разрушаю то, сказано Вседержителемъ чрезъ Іеремію, что самъ строилъ, и что самъ садилъ исторгаю, и это по всей землѣ» (Іерем. XLV, 4): вотъ что стало совершаться тогда въ мірѣ. Но и надъ языками носилась же спасающая міръ любовь Божія, бѣдствіемъ и разрушеніемъ ведущая ко благу и спасенію: чрезъ потрясеніе и ниспроверженіе самодревняго политическаго міра очищалось уже мѣсто міру новому, грекоримскому, имѣвшему воспріять благодать всемірнаго спасенія. Этой самой истинно - отеческой

любви Божіей, искореняющей и разрушающей худшее для насажденія и устроенія лучшаго и былъ органомъ, созерцателемъ и служителемъ Пр. Іеремія.

Личныя обстоятельства и свойства пр. Іереміи.

По своимъ личнымъ и природнымъ свойствамъ онъ является точно уже и родившимся съ тѣмъ назначеніемъ, чтобы, по благодати Божіей, послужить органомъ истинно-отеческой любви Божіей, стремящейся вразумить своевольныхъ дѣтей и за вражду ихъ какъ бы невольно отвергающей ихъ и однако готовой снова принять въ свои объятія смирившихся. Самъ Господь засвидѣтельствовалъ это: *«прежде неже мнѣ создати тя во чревь, познахъ тя, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложесть, освятихъ тя, пророка во языки поставихъ тя.»*

Іеремія имѣлъ душу въ высшей степени чувствительную и любящую. Для удостовѣренія въ этомъ достаточно сказать на сей разъ, что онъ язычникамъ не могъ предрекать тяжкихъ бѣдствій безъ рыданій: эти рыданія происходили, безъ сомнѣнія, отъ движенія Св. Духа, воздыхающаго о спасеніи людей *воздыханіи неизреченными*, гѣмъ не менѣе нужна же для сего движенія восприемлемость